

Н.Д. АПУХТИНА

Н.Д. Апухтина - жена декабриста М.А. Фонвизина, Наталья Дмитриевна, урожденная Апухтина. Единственная любимая дочь богатого помещика Д.А. Апухтина, первые 16 лет жила счастливо, беззаботно, но к 20-м годам века отец ее разорился. После долгих раздумий 19-летняя Наташа согласилась (в 1822 году) выйти замуж за своего двоюродного дядю - 34-летнего генерал-майора в отставке, героя Отечественной войны 1812 года М.А. Фонвизина. Уже в Сибири своему духовнику замужество она объяснит чувством долга: "Надобно было спасти отца". Тихое семейное благополучие, радость материнства длятся только до декабря 1825 года, когда Михаила Александровича арестовывают. Едва оправившись от родов второго сына, она спешит из Москвы в Петербург, чтобы просить за мужа. В 1828 году Наталья Дмитриевна следует за ним в Сибирь, оставив обоих сыновей на попечение родителей. Делит с М.А. Фонвизиным все тяготы его неволи. В Сибири у них рождается еще двое сыновей, но умирают в младенчестве. Самое тяжелое горе супругов Фонвизиных настигает в 1850 и в 1851 годах: один за другим умирают уже взрослые сыновья. Перед мужеством Натальи Дмитриевны преклоняются все декабристы. В Сибири у нее было несколько воспитанников, среди которых - М.Д. Францева, оставившая воспоминания о тобольских декабристах. Все знавшие Наталью Дмитриевну отмечали ее незаурядный ум, неутомимую энергию, феноменальную память, начитанность и глубокие познания в философии и теологии, характер самобытный, сложный и противоречивый. П.С. Бобрищев-Пушкин, говоря о своеобразии ее натуры, отмечал, что живет в ней несколько "я": твердость, решимость - и бесконечная мягкость и доброта; мужской практический ум - и женская беспомощность; научные знания - и глубочайшая религиозность; завидная логика - и непоследовательность, граничащая с авантюризмом. Добавим: натура страстная и, казалось бы, необузданная - и способность подчинить земные желания велению духа и долга - такова Н.Д. Фонвизина. Она умерла в 1869 году, пережив самых близких и беззаветно любивших ее...

Нельзя не испытывать чувства неловкости, заглядывая в мир интимных отношений двух людей. И здесь бессильно оправдание давностью лет. Любовь двух - всегда сегодня, потому что перед этим чувством бессильно время и оно не подвержено старости. Пытаюсь объяснить, почему так хочется рассказать о любви, что началась в конце 30-х годов века минувшего: в рвении архивных поисков письма П.С. Бобрищева-Пушкина к Н.Д. Фонвизиной 1838 года я обнаружила случайно и почувствовала, что светом, идущим от них, нельзя не поделиться с другими.

Письма П.С. Пушкина января - марта 1838 года могли показаться лишь высокодуховными беседами, не обнаружись среди других эпистолий декабриста той, что датирована 28 марта 1857 года. Это письмо - ключ к ним, письмо объяснение в любви, первое и единственное письмо-исповедь..

Середина 30-х годов минувшего века. Сосланный на поселение в Красноярск декабрист П.С. Бобрище-Пушкин ведет жизнь самую деятельную: врачует гомеопатией, рисует, пишет басни, переводит Б. Паскаля, занимается ремеслами. Отчаянно бедствует: вместе с психически больным братом, о котором трогательно заботится, он получает в год 114 рублей 28 4/7 копейки серебром казенного пособия. В то время он безмерно далек от ощущения, что идет к нему радость-беда всей его жизни - его Любовь.

"С первого взгляда, как ты проезжала через Красноярск в Енисейск (в 1834 году Фонвизины ехали на поселение в Енисейск - В.К.), ты уже показалась мне чем-то отличным для меня. Но я был в таком аскетичном состоянии, что на этом не останавливался", - вспоминал Павел Сергеевич в письме 1857 года. "Какая нездешняя женщина, - подумал он тогда и испугался: - Что значит нездешняя?" - не нашел и не стал

искать ответа. Но несколько дней после этого в самые неожиданные моменты вдруг наплывали на него ее огромные глаза - они грустили и смеялись, вопрошали и звали куда-то.

Что со мной?" - недоумевал он. И, пожалуй, впервые подумал, что ни одна женщина еще не привлекала его внимания. В годы учебы в Муравьевском училище они с братьем часто бывали в свете. Он знал, что нравится, и относился к этому как к должному. Павел любил балы. Сама атмосфера, прилежность и налаженность бальной суеты сливалась в образ праздника, который уносил юного офицера на несколько часов из однообразия военных его занятий в беспредметные дали, в бездумье и беззаботность. Вся сановная Москва вывозила на балы дочерей. И, конечно, для него, хотя и небогатого жениха, но знатного и родовитого, большая его родня непременно сыщет ту, что станет его женою. Может быть, он даже влюбится. Но случится это или нет, брак все равно заключается на небесах, и он только подчинится воле Всевышнего. Ему даже в голову не приходило хлопотать об этом предмете. Балы... И почему-то он сразу представлял Ее - в белом платье, и лицо будто одни эти выманивающие его душу из заточения глаза.

"Когда вы переехали в Красноярск, я уже с увлечением беседовал с тобою, и раз, когда ты рассказывала о каком-то архимандрите Павле, невольно проговорила внутри, что не ты ли будешь тем же для меня. Все это скользнуло без особой остановки, ибо духовное мое состояние было еще слишком сосредоточенно".

Его душа просыпалась долго и недоверчиво. Ее же пробудилась сразу, чувство - бурное, неудержимое - находило выход лишь в письмах Натали, безошибочно угадав притягательное родство их душ, так же зорко разглядела и то, что чувственная природа его еще спит и бог весть как откликнется на прямой ее зов. И Наталья Дмитриевна пишет Павлу Пушкину письма-исповеди о поразившей ее сердце любви, не называя имени любимого. Павел Сергеевич ошеломлен. Твердыня его понятий - светских, религиозных, нравственных - о таинстве и святости брака зашаталась. Он почитает это настоящим горем для Натали Дмитриевны. "Когда мне пришлось вмешаться в твою горе, то не самонадеянность одна, а какая-то несознательная радость, что я могу безгрешно помогать человеку, в котором я так ясно видел печать Божию, меня увлекла, как вихрем." Они живут через несколько улиц друг от друга. Павел Сергеевич ежедневно бывает в фонвизинском доме, но, безусловно, не может говорить о "горе" Натали Дмитриевны в присутствии М.А. Фонвизина. Но он почти ежедневно пишет ей, вручая свои послания во время визита. В письмах он ведет борьбу с любовью-искушением Натали: "Подлинное искушение Ваше таково, что я не читал ему ничего подобного. О моя голубушка, воспряньте, отрясите этот сон с очей Ваших, разрушьте это неестественное очарование. Страсть ваша сама по себе хотя есть несчастное и виновное заблуждение, но она более достойна плача, нежели осуждения, ибо она сама собой наказывается, делаясь для Вас нестерпимую мукою..."

Когда Наталья Дмитриевна наконец признает, что предмет ее любви он, Павел Пушкин, он повергнут, и не только этим признанием, но и тем, что понимает: его собственные чувства вырвались из заточения. радость, недоумение, бессильная попытка прикрикнуть на свою и ее любовь, слезы умиления и слезы боли - все в письмах марта 1838 года. Он пытается найти спасение от наступающей на него любви в евангельских изречениях и христианских установлениях. Тщетно! В письме-исповеди 1857 года, когда без этой любви Павел Сергеевич уже не мыслит существования, но состояние страсти-бури вошло в более спокойное русло, он напишет: "Последующее уже было перемешано - тут была и борьба, и увлечение, и угождение твоей увлекающей, как быстрина потока, природе. Тут я не только уже невольным чувством, но и волею усиливал твою привязанность, чтобы дать привал увлекшему тебя чувству. Таким образом, впутался так, что уже сердцу не было иного выхода, как переходить от невольного к произвольному увлечению. Ты сделалась как усладительная болезнь моего сердца. Все родные и весь мир

для меня исчез. Одно только существо для меня было дорого, его счастье и спокойствие, и возвращение к Богу было моею молитвою и желанием."

В 1838 году Михаила Александровича Фонвизина переводят на поселение в Тобольск. Наталия и оставшейся в Красноярске Павел, подстегивая себя напоминанием о чувстве долга, надеются на спасительность разлуки. В мартовских письмах он даже прибегает к менторству, потому что Натали мечется, затягивает отъезд, придумывая какие-то причины: "Только не начинайте ничего опрометчивого, по какой-то минутной вспышке. Это вредно и для Вас - на что это похоже: то давай ехать, то опять валяться в ногах "Батюшка мой, останься", как Вы делали. Впрочем, не осуждая Вас, говорю, голубушка моя милая, ибо знаю, что Вы не знаете, куда кинуться, чувствую это и понимаю. Однако эти романтические вспышки Вы бы, кажется, имели уже довольно сил оставить".

Трудным был этот год для Натальи Дмитриевны, безутешным - для Павла Сергеевича, как свидетельствуют ремарки его в письмах из Красноярска сентября 1838 - начала 1839 года. "Я стал гораздо рассеяннее и много переменялся, Вы это сами уже давно заметили. Внутренняя потеря не вознаграждается ничем внешним. Рассеянность заглушает только на короткое время тоску души, которая с тем большим прискорбием чувствует свое уклонение, а пересилить уже не может" (30 сентября 1838 года).

"Есть положения, что и взгляд на самого себя так бывает тяжек, что бегаешь туда и сюда, чтобы заглушить вид своего внутреннего опустошения. Горько все это сознавать на опыте, но в путях божьих, как знать, может, и это нужно. Чтобы узнать цену даров Божьих, может быть, бывает, нужно их лишиться - дай Бог, чтобы только не навсегда" (29 октября 1838 года).

В феврале 1840 года братьев Бобрищевых-Пушкиных также переводят в Тобольск. Павел Сергеевич и Наталья Дмитриевна встретились вновь. Но все изменилось. "Я тут только увидел, - пишет Павел Сергеевич в исповеди 1857 года, - что ты перешла пропасть, а я за нею или чуть ли в ней и до сих пор остался... Твой прием, дружеский, но совсем в другом роде, меня озадачил. Духом я благодарил Бога о твоей перемене, но собственное мое обнищание тем сделалось сознательнее. Возвращение к чувственным искушениям и падениям, которые имели влияние на упадок душевных и телесных сил, ввергли меня в совершенное уныние и ропот... Последующие немощи твои опять сделали мне тебя доступнее, хотя они и причиняли мне сердечное горе, но сближение твоей нищеты с моею воскрешали воспоминания благие. Одним словом, в других только фазах, но и тут, и там ты одна была средоточием всей моей внутренней жизни. День, в который я не видал тебя или не слышал, был для меня не днем, а ночью. И вообще для меня люди существовали и теперь существуют только в отношении к тебе". Так написал он в 1857 году, а тогда, в 1840-м, спрятал свое чувство под покровом нежной и преданной дружбы. Редкий день во все годы жизни в Тобольске не бывал П.С. Бобрищев-Пушкин в фонвизинском доме. Не угасала его любовь, обретая с годами все большую духовную устремленность к идеалу. А для Натальи Дмитриевны, преодолевшей любовь во имя долга, он остался на всю жизнь ее духовным братом, другом, к которому она (первому и единственному) обращалась за советом, помощью, поддержкой, кому открывала тайники души своей...

М.А.Фонвизину ранее других декабристов - в 1853 году - разрешили вернуться на родину. Через год Михаила Александровича не стало. Тяжело переживала его смерть декабристская семья. Когда боль утраты ослабела, не мог, вероятно, не помышлять о союзе с любимой Павел Сергеевич. Но вдруг узнает, что иная любовь уже завладела сердцем Натальи Дмитриевны - к [И.И. Пушкину](#). Любовь взаимная, но так уж устроена Натали, что не может жить без такого романтического виража. Она пишет в Сибирь длинные письма-исповеди, но адресат нередко получает их после прощения и одобрения П.С. Пушкина. Наталья Дмитриевна не решается на брак с Пушкиным. Ее терзают размышления о поздних ее и Ивана Ивановича летах, неуверенность и т.д. Эти письма-

терзания перемеживаются с пылкими "юными" посланиями. То готова идти под венец - то ревнует, то желает принести в жертву свою свободу - то бичует себя раскаянием. Большой Жанно на этих гигантских эмоциональных качелях чувствует себя беспомощно, как ребенок. Павлу Сергеевичу не остается иного, как прийти им на помощь. "Насчет Ивана мое мнение, как прежде, так и теперь, одно и то же. Прежде твоих борений ведь ты была уверена, что жребий относился к нему. Предайся воле Божьей, и ты успокоишься", - пишет он 28 марта 1857 года. П.С.Бобрищев-Пушкин успокаивает, умиротворяет не только любимую, но и И.И.Пущина: "В полулистке от 11 апреля ты говоришь, что знаешь мою сильную к ней привязанность. В письме от 22... ты спрашиваешь опять, есть ли мое сердечное на ваш союз благословение. Друг мой любезный, мое сердечное благословение на всем, что только касается до этого дорогого мне человека. Мне самому, уверяю тебя, ничего тут не надобно. Если во всем этом исполняется воля Божия и есть надежда возможного на земле успокоения после стольких бурь, могу ли я, который о ее благе только и думаю и молюсь, отказать ей в сердечном благословении, а тебе, мой великодушный и добросовестный друг, и подавно, когда я знаю, что ты ее не столько для себя, как для нее, а она не столько для себя, как для тебя любит.

Возникало во мне иногда, каюсь тебе, особенно сначала, борьба и с той гадкой стороны, где лежит собака на сене, - сама не ест и людям не дает. Но я отмаливался от нее, как от недуга болезненного. Богу и мне самому гадко и противно. В этом грехе прости и ты меня, друг мой сердечный. Но дело в том - все это ветер дующий и преходящий, а глубиной воли моей я там, на что есть воля божия. Если ему угодно исполнить ваше предположение и благословить вас счастьем, то оно, конечно, будет и моим счастьем.", - писал Павел Сергеевич Пущину 7 мая 1857 года, когда он уже свыкся с мыслью, что любимой не быть с ним рядом никогда. А как страдало и мучилось его сердце, мы вряд ли узнали бы, не будь его письма-исповеди 28 марта 1857 года.

Того огня, что зажгла Н.Д. Фонвизина в его душе почти два десятилетия назад, хватило на всю жизнь, но за два месяца до брака любимой с другом силы временно изменили ему. Выше этих только человеческих сил было последнее испытание его любви: он имел объяснение с Натальей Дмитриевной, когда в начале марта 1857 года гостил у нее в Марьино, и, видимо, сдерживаемые столько лет чувства вырвались наружу бурно, бесконтрольно и безоглядно, отбросив узду разума. Безусловно, нашла Наталья Дмитриевна слова, которые как-то примирили с безответностью его чувства. Однако горечь потери, неловкость от ненужного объяснения с любимой перекрывается в его исповеди чувством острой сердечной боли: "Зачем я, несчастный и обреченный на вечное одиночество человек, увлекся теперь несъютчным и совершенно ни с чем не сообразным увлечением сердца? Забыл и о духовном родстве, которое, может, ставит непреодолимую преграду между нами, забыл, что я, может быть, тебя оскорбляю и унижаю своими дерзкими мечтами. Забыл, что ты уже почти соединена с человеком, который, по моему сознанию, искренне тебя любит и которого, по моему глубокому сознанию, я мизинца не стою. Забыл все это и увлекся, и запутался, как птица, в сети летящая. Но какое бы, произвольное или невольное ни было это увлечение - произвольное потому, что я питал его и им услаждался, невольное потому, что в этого рода страстях и произвольное делается невольно, - в одном себя упрекаю: зачем высказался?" И как крик отчаяния: "Только ты меня не покидай, а то для меня это будет невыносимое горе. У меня, одинокого, только и приюта, что твоя дружба".

И.И. Пушин и Н.Д. Фонвизина 22 мая 1857 года. И двух лет не продлилось их счастье - Иван Иванович умер 3-го апреля 1859 года на руках верного Павла Сергеевича, который бессменно дежурил у постели друга и услыша последнее "прости" оставшимся на земле и последний вздох И.И. Пущина.